

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ В. В. РОЗАНОВА

В. В. Варава

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2009 г.

Аннотация: рассматриваются актуальные вопросы современной семьи и брака. Отмечается, что установки массовой культуры уже сформировали в обществе достаточно легковесное отношение к семье и браку и вообще к проблемам молодежи. Особенно страдает отношение к детству. В этом контексте особую актуальность приобретает классическое наследие русской философии и, прежде всего, идеи В. В. Розанова по этому вопросу. Отмечается, что в современной студенческой среде философия Розанова пользуется повышенным интересом.

Ключевые слова: феномен детства, семья, семейные ценности, молодое поколение, духовный кризис, русская философия, философия детства Розанова, образование, воспитание, культура, нравственные ценности.

Abstract: the article is devoted to the problems of family in modern society. The thing is the mass media formed negative attitude to the basic family's values and problems of young generation. Especially it concerns the phenomenon of childhood. In this connection the classic Russian philosophy (especially Rosanov's philosophy of childhood) is very important. Rosanov's philosophy is very popular among the students today.

Key words: phenomenon of childhood, family values, young generation, crisis of moral values, Russian philosophy, Rosanov's philosophy of childhood, education, culture, moral, values.

Существует древняя истина, подтверждаемая опытом многих культур и народов: нравственное состояние общества напрямую зависит от состояния семьи, от духовного самочувствия молодого поколения. Сейчас много, жестко, но справедливо говорят о демографической проблеме. Но беды последних лет в этой области несоизмеримо превышают попытки социальными средствами улучшить ситуацию. Озабоченность вызывает то, что базовые установки современной культуры уже сформировали в обществе достаточно легковесное отношение к семье и браку и вообще к проблемам молодежи.

Традиции высокой культуры, выработавшей прочные каноны относительно смысла совместного проживания людей в семье, просто-напросто игнорируются. Культивируется взгляд, согласно которому человек сам вправе решать, исходя из своих, как правило, ограниченных эгоизмом интересов, вопросы планирования семьи, предполагающие контроль и регуляцию рождаемос-

ти, выбирать (часто нетрадиционные) формы брака и т.д.

Либерализм внутрисемейных отношений упирается в холодные данные демографической статистики: аборты, калечащие женщину физически и нравственно; изуродованные судьбы как следствие неграмотного «сексуального просвещения» в школе; подростковая психопатология, находящая выход в алкоголизме, наркомании, проституции, суициде; взрослая психопатология, ищущая удовлетворения своих мелких интересов в извращенных формах; глубочайший мировоззренческий конфликт между поколениями, в итоге — непонятая и неосмысленная старость, заканчивающаяся либо в многолюдном одиночестве хосписа, либо в совершенной покинутости.

Современный молодой человек, достигнув определенного возраста, входит в социальную жизнь с вполне сформированными представлениями о семье, браке, рождении детей, вообще детстве. Во многом эти воззрения обусловлены узкопрагматическим и откровенно утилитарным

© Варава В. В., 2009

взглядом на вещи. Главный мировоззренческий изъян этого взгляда в искаженном и упрощенном понимании детства. Социальная прагматика и жесткая физиологическая установка на процессы рождения, воспитания, формирования личности приводят к тому, что в детстве не видят самого главного, того, что составляет основной непрагматический мотив деторождения. Корни ценностного кризиса современной молодежи, а также демографические проблемы во многом, полагаем, кроются именно здесь.

Что можно предложить в этой ситуации, ситуации ненормальной, потому что все перечисленные показатели угрожающе высоки? Нужно чаще обращаться к традиции, в том числе и к опыту русских мыслителей. Здесь сразу же возникает фигура В. В. Розанова, уделявшего огромное внимание в своем творчестве вопросам семьи и брака. Это один из первых светских мыслителей, который заговорил о «святости брака» со всей искренностью и откровенностью. Наблюдая за современным ему состоянием молодого поколения, он видел, что брак стал формальным и безликим, пассивным и номинальным, что приводит к его духовному разрушению. Одна из причин этого — появление в обществе идей, разрушающих традиционный семейный уклад. Речь идет о нигилистических идеях, в том числе и о философии эмансипации, с чем так горячо боролся Розанов*.

Семья в своем высшем измерении, как показал мыслитель, не только наиболее продуктивная форма для государства, но и для личностного роста молодого человека. Как это ни парадоксально, но самой большой свободой, творческой свободой человек может достичь лишь в браке, освященном традицией. Насколько Розанов — свободолобивый мыслитель, вольнодумец, «русский Ницше», настолько он — традицио-

* Нужно сказать, что Розанов здесь был не одинок. Русский философ Н. Ф. Федоров еще во второй половине XIX века писал: «...есть разновидность женщины — это женщины, которые желают казаться мужчинами; быть мужчиною, быть подобными, во всем равными, равноправными мужчинам — идеал таких женщин. В основе этого стремления, конечно, лежит глубокое презрение к женской природе... Причина этого аномального, тератологического явления лежит в городской жизни. Такой тип отличается искусственностью и вызван необходимостью иметь занятия вне семейной жизни». Кроме того, подобные взгляды высказывают Достоевский, Соловьев, Толстой, Бердяев и другие, так что можно говорить об определенной традиции в отечественной культуре.

налист и консерватор по отношению к браку и семье. Семейная жизнь, согласно мыслителю, в конечном счете есть подвиг совместного преодоления эгоизма. Ибо любовь, как говорил еще В. Соловьев, есть жертва эгоизма. И плод этой жертвы — обретение подлинной творческой свободы и полноценной жизни.

Обратимся к идеям В. В. Розанова, которые он высказал относительно детства. Думается, что приобщение современного молодого человека к его философскому наследию будет не бесполезным, особенно в нынешней ситуации жесткого прагматизма и невнимания к тому, что можно назвать метафизикой детства. Семья полноценна тогда, когда есть понимание особой значимости детства. Именно отношение к детству формирует дальнейшую судьбу человека, определяет, насколько он будет счастлив в семейной жизни. Воззрения Розанова могут значительно помочь в этом.

Творческое наследие этого выдающегося и оригинального мыслителя столь многообразно, глубоко и необычно, что, можно сказать, оно еще совершенно не раскрыто современности. Несмотря на то, что в последнее десятилетие значительно повысился научный интерес к творчеству Розанова, многие ценнейшие идеи философа, в том числе относительно образования и воспитания, остаются неизвестными и недосягаемыми.

Поразительная особенность философии Розанова в том, что она актуальна и интересна именно сегодня. Из всех отечественных философов именно Розанов ближе всего к запросам нынешнего времени. Когда современный человек знакомится с идеями мыслителя, то возникает ощущение, что они были высказаны не более ста лет назад, а сегодня. Насколько Розанов чутко, гибко, умно, психологично понимает реальные проблемы молодого человека и умеет их выразить в адекватной форме, что знакомство с основными идеями мыслителя может значительно расширить и углубить современные представления о семейных ценностях и вообще способствовать становлению полноценного мировоззрения.

Рациональная философия никогда не воспринимала феномен детства как серьезную философскую тему, достойную пристального изучения. Ни в одном систематическом изложении философии, ни в одном учебнике нет темы детства как самостоятельной философской проблемы, с которой, возможно, и следует постигать сущност-

ную природу человеческого бытия. Детство воспринимается как первоначальная, неполноценная фаза человеческого бытия; лишь взрослое состояние есть модель для философско-антропологического исследования человека.

Детство как удивительный духовный феномен нашло глубокое и оригинальное осмысление в творчестве В. В. Розанова. Философ противопоставляет тому «плоскому» образу мысли, который стал определяющим для человека современной эпохи, эпохи утратившей дар видеть мир неестественным. Кредо Розанова: «Мир не хочет быть плоским и ясным, как доска, как день, как утро, как биржа...».

У Розанова за чрезвычайным многообразием его тем важно видеть главное, ядро всех его мыслительных построений. «Лишь чадородие, то есть материнство, т.е. жалостная, кормящая любовь, его вдохновляет» — очень точно говорит о Розанове Г. П. Федотов [1, с. 395]. Г. В. Флоровский говорит о «ясновидении плоти и пола, которым Розанов был несомненно одарен» [1, с. 399].

Детство для Розанова предмет особого духовного постижения. «Почему я люблю так детство? Я безумно люблю его, мое страдальческое детство» — раздается время от времени восторженное восклицание Розанова [2, с. 128]. Философ буквально заморожен детством. Здесь корень всех его метафизических пристрастий, исток всех его необычайных философем. Метафизика пола, так глубоко развитая философом, скрещивается с детством как продуктом и самой главной тайной этой метафизики.

Розанов в статье «Семя и жизнь» определяет младенца как «выявленную мысль Божию, мысль — в плане создания своего, в улыбке, невинности и чудной безгрешности» [3, с. 215]. Эти характеристики — *улыбка, невинность и безгрешность* и есть *полноценная духовность*, духовность, явленная в полной мере в столь немощном и беспомощном теле. Ибо улыбка — странное, непонятное и не логичное явление в столь «неразвитом» существе — как послание света в мир тьмы; это ее «функция», ее «назначение». Дух в улыбке — наиболее полно явлен, здесь всяческое отсутствие «физиологии», только теплота человеческих чувств. И «матерняя улыбка матери над младенцем», замечает Розанов в письме Толстому, и есть «чистая духовность».

Мать и дитя и образуют главную духоносную ось мира; их улыбки встречаются, и появ-

ляются свет и смысл в мире. Духовная энергия улыбки младенца превышает силу всех остальных «энергий» этого мира, и поэтому она есть и смыслообразующая, и смыслонесущая основа мира. Розанов к этому еще добавляет, что «живое человеческое дитя» лучше, чем молитва и гений, ибо это «непосредственная и реально выраженная мысль Божия, так ясно несущая в невинной своей улыбке, в безгрешных глазах след только что им оставленных “миров”» [3, с. 222].

«Оставленные миры» — это предмет трансцендентной тяги человека, это то, что человека делает человеком. Здесь — корень философии, религии, искусства, всякого творчества вообще. Только этих миров всегда ищет человек. А здесь, в младенце, они даны «даром», и простой взгляд на него дарует человеку эту бесценную духовность оставленных миров. И вдохновляется человек на дальнейшую жизнь и творчество.

И младенец не просто вдохновляет, но и поучает. Розанов-педагог это замечает в своей работе «Сумерки просвещения»: «Неуловимо, но ребенок так же воспитывает взрослого, как воспитывается им. Он от взрослого получает факты, знания, поучения (самая печальная при неумении бесполезная сторона воспитания), но своею невинностью, веселостью, играми, забавами и, наконец, зарождающимися пороками он его воспитывает, а в последнем — и угрожает. Все полно мысли, выразительности, тревог и страха, все полно содержания, одухотворенности» [4, с. 220].

Говоря о смысле целомудрия, Розанов раскрывает это понятие исключительно в духовном аспекте: «Ибо это (и именуемое у людей «целомудрием», «целостью» до возраста) есть тот личный твой и особенный, даваемый с рождением каждому младенцу, Ангел, который сохранит тебя на всех путях, на протяжении целой жизни, если ты сам его не оттолкнешь и не оскорбишь» [2, с. 39]. Тем самым духоносность младенца есть его природно-онтологическое свойство, дарованное в качестве залога, сохранения и обетования.

Бытие уже потому не абсолютное зло, как утверждает, например, буддизм, потому что в нем есть *свет младенца*. И поэтому бытие есть все же благобытие в своем онтологическом корне, несмотря на его «испорченность» злом, смертью, несправедливостью.

Детство отдалено бесконечной пропастью от всей остальной жизни, и лишь только *носталь-*

гия — знак того, что это было, ибо детство не сон, но какая-то сладостная реальность, в которой все было *по-иному*. И Розанов дает нам понимание подлинной метафизики детства, которая раскрывает этот период не в эволюционной парадигме количественно-качественного нарастания и усложнения психофизиологических функций, но как *совершенно самостоятельный* и, что особенно важно, *полноценный (!)* период в жизни человека. Иными словами, младенец является собой *чистую духовность*: при минимуме телесности — максимум духовности.

Метафизика детства, развитая Розановым, не рассматривает его в категориях недоразвитости, неоформленности и прочих «недо» (то, к чему совершенно определено склоняется секулярная наука, видящая лишь психофизическую эволюцию в мире, в том числе в человеке); для метафизики детства этот период отмечен *особой духовностью*, которая впоследствии утрачивается. Вот почему прикоснуться к ней на миг и есть главная задача всех наук о человеке. Но само детство остается закрытым. Дети нам важны и дороги не потому, что они станут взрослыми, а сами по себе, фактом своего лучезарного бытия.

Духовное понимание детства выражено Розановым вполне в «Новых эмбрионах»: «Аскет никогда не носил младенца на руках; он не держал потной руки роженицы в руке своей и, дрожа сам в страхе, не удерживал ее от боязни; в утешение, в успокоение он не читал около ее подушки: «Живой в помощи Вышняго...». Не слышал утреннего пробуждения своих малюток, когда они путаются со своими чулочками и башмачками. Не томился над умирающим ребенком. О чем же он судит?» [3, с. 302].

Аскет в данном случае может пониматься не только в сугубо религиозном смысле; аскет тот, кто игнорирует *таинственную ипостась* детства. Проходя мимо детства, он (аскет) проходит мимо самого бытия, ибо в ребенке концентрируются центральные его смыслы и сущности.

Говоря о поле как о «странном физиологическом» явлении, философ пишет: «...нет области, менее освященной и даже едва ли освященной в глубине: эпитет *тайны* — особенно приложим сюда. Неисследимое, «непознаваемое» или, по крайней мере, с великими усилиями и очень малыми дозами познаваемое» [3, с. 306].

Тайна — не случайное слово, но сама суть процесса «зарождения», «происхождения» жи-

ни. Розанов делает интереснейшее наблюдение относительно невозможности для человека проникнуть в самое сокровенное, самое интимное и потаенное — *механику появления нового*. Он пишет: «Эмбриологи замечают, что в важнейшие секунды процесса развития живого существа и в важнейших точках, где сосредоточено это развитие, происходит *помутнение*: процесс двигался расчленено, прозрачно; он будет далее двигаться столь же прозрачно и расчленено, но на критической точке, в критическом переломе вдруг появляется *мутность*, и все силы микроскопа и острота скальпеля или иголки оказываются неприменимы. Мутность длится минуты, получасы: в ней совершается что-то очень деятельное. Но об этом можно только догадываться, ибо, когда после наблюдений вновь становится прозрачно-видимым, все части прежнего эмбрионального существа являются существенно преобразованными: *как, какими силами* — это-то, очевидно, природа и вырвала из-под любопытствующего взгляда человека» [там же].

Это наблюдение раскрывает тщетность рационалистических претензий науки понять и объяснить весь процесс зарождения, рождения и развития жизни.

Много интересного, связанного с появлением жизни, подмечает Розанов. «Чадорождение», по мысли философа, и свято, и спасительно. Философ обращает внимание на то, с каким священным трепетом люди всегда относятся к «имущей во чреве». Беременная женщина — существо особого рода. В ее «недрах» свершается таинственный процесс зарождения, созревания и появления нового, ранее не бывшего. Таинственное «ничто» во чреве матери — прообраз тайны самого бытия. Претворение, переход, скачок, рывок *ничто в нечто* — вот непостижимый принцип образования сущего как такового. И женщина является и пассивным «объектом», и одновременно активным «субъектом» этого процесса.

Здесь Розанов делает принципиальнейшее разведение двух типов мировоззрения, по-разному смотрящих на единый процесс появления жизни. Он пишет: «...стоя перед этим явлением, должны или вдатся в плоскую пустынную Геккелева-Дарвинова созерцания, о коем читается в неделю Православия: «мир мниша быти без Бога — анафема»; или сейчас и здесь, стоя лицом перед кардинальною тайною мира, перед труднейшей его задачей и вместе — задачей самой высокой по предмету сюда замешанному

(человек), мы будем «мнить мир с Богом», но с «Богом» именно отсюда начиная, здесь и впервые Его непосредственно, субъективно, в таинственном материнстве ощущая» [3, с. 211].

На таинственный характер младенчества восторженно и вдохновенно указывает еще Августин с первых страниц «Исповеди»: «И вот младенчество мое давно уже умерло, а я живу. ...Младенчество не исчезло — куда оно ушло? и все-таки его уже не было».

Августин ясно говорит о том, что невозможно постичь сущность младенчества непосредственно, здесь нет ни опыта, ни памяти. Для окружающих — младенец, как и умерший, абсолютно герметичная сущность: желания в нем, а окружающие — вне его, и «никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу», — говорит Августин.

Это далеко не случайно; в этом одна из особенностей детства, его глубочайшая черта — *закрытость от мира взрослых*. Не только отдаленность событий, не только слабое «развитие» психики и сознания являются препятствиями при изучении детства, а именно его недоступность взгляду взрослого.

Чудо ребенка еще и в том, что жизнь, согласно Розанову, есть дар. Для человека, говорит философ: «Его личная жизнь — единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается *для своей жизни*, и его жизнь есть *дар Божий земле*. Каждого человека Бог дарит земле. В каждом человеке Земля (планета) получает себе подарок» [2, с. 23].

Полноценная духовность младенца раскрывается еще в такой его черте, как невинность. Это, естественно, заметил не только Розанов, но он сказал об этом удивительно. В «Сахарне» он возмущался не без иронии: «Удивительно, упрекают меня в порнографии (и суд, и цензура), когда и капельки ее нет во мне, и единственно оно сидит у цензоров, судей и литераторов. Конечно, я «это» все считаю священным: да как же иначе, если у меня есть дети? как же иначе, раз я имею отца и мать?» [2, с. 37].

Невинность особо невероятное свойство человеческого существа, ибо человек всегда в чем-то виновен. Обвинить человека хочется всякому, и действительно процесс протекающей жизни изначально отмечен неистребимой печатью вины. «Все за всех виноваты» — так у Достоевского.

Вот почему невинность поражает и потрясает. Розанов пишет: «Передо мною младенец.

Совершенно очевидно, что его предикаты суть предикаты... «кофейного зернышка». Проходит час, идут часы, и, не отрываясь, я пронизываю его взглядом: это — не только сияние жизни, в той свежести и чистоте, которую мы утратили «под затемняющими ветром и стихиями», но и совершенно ясно, что это — безгрешность и, собственно, — это единственная и бесспорная безгрешность, какую на земле знает и испытывает человек» [3, с. 209].

Вдохновенный взгляд философа ухватывает абсолютное в младенце, то, чему нет на земле аналога — «*единственная и бесспорная безгрешность*». Это свойство не может не тронуть сердце взрослого «грешного» человека, для которого грех — короста, тяжесть, бремя зла. Безгрешность уже переходит в святость, причем в святость особого рода — не заслуженную, а дарованную. Детская святость — это святость особой благодати. Розанов продолжает: «Невинность» — мы говорим о младенце; но только ли это одно? Не виновен ни в чем и камень, и есть разница в содержании этих предикатов у него и у младенца: младенец имеет положительное в себе, т.е. в нем есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости» [там же].

Это «присутствие святости» освящает все вокруг себя. И аскеты Фиваиды (по язвительному, но, скорее всего, справедливому замечанию философа) не достигают того уровня святости, который дарован младенцу. Освящает младенец прежде всего дом, в котором он пребывает. Чуткий взгляд Розанова отмечает: «И в самом деле, не замечали ли вы, что дом, в который вы входите, — когда он не имеет детей, — мрачен и темен; именно духовно темен; а с играющими в нем детьми как будто чем-то светится, именно духовно светится. ...дом потому светится детьми, что в сущности он ими освящается, санкционируется в бытии своем, в труде своем, в своих заботах. Этот возящийся около ящика с игрушками мир, двух- и трехгодовалый мир, есть уже осуществленное «Царство Небесное». Около него, как земля и подножие, раскидывается вся остальная жизнь» [3, с. 209—210].

Как педагог Розанов точно улавливает: «Семья ... перестала согреваться, ибо дети-то и согревают семью. Посмотрите, как скучно и безуютно в бездетных семьях ... Семья согреется и просветлеет детьми...» [4, с. 220, 222].

Невинность, безгрешность, святость — все эти, так называемые по Розанову, «предикаты

младенца» служат духовной цели — преобразению и спасению человека. Всякий человек не может не умилиться при виде младенца, наиболее жестокие и злые сердца посещают радость и теплота. Это можно проверять эмпирически бесконечное количество раз. Реакция взрослого на младенца — всегда одна и та же.

Розанов, вслед за Достоевским, замечает, что «для понимающего человеческую природу нельзя без слез смотреть на младенца». Что это за «без слез»? Этот вопрос приводит нас к самому важному философскому откровению, к той тайне, которую несет в себе ребенок. Розанов спрашивает все более пафосно, настойчиво, стремительно: «Откуда это, тоже пожалуй, трансцендентное волнение в нас? Ибо что нам ребенок? Чужой? Беспомощный? Но как-то, глядя на него, мы и в себе пробуждаем как будто видение «миров иных», только-что-только оставленных этим малюткой...

Младенец и в нас пробуждает чувство этих только что им оставленных миров, коих свежесть, яркость, а также и святость он несет на губках своих, на безлукавых глазах; и, бросая всякое дело, мы к нему бросаемся» [3, с. 215].

«Трансцендентное волнение» — очень точное и глубокое определение чувства соприкосновения с мирами иными через младенца. И трансцендентное волнение уже переходит в волнение житейское, достигаемое по поводу детей наибольшей силы. Розанов тонко и точно замечает это в следующем фрагменте из «Сахарны»: «Со времен Гутенберга литература (нечаянно?) попала в яму и говорила все время какие-то формальные, ненужные слова, «он» для «него» и, естественно, что при крике «ребенок захворал» всякая (всякий) бросал Шекспира к черту.

Меня тоже бросят, но разница в том, что Шекспир обиделся, а я кричу мамаше, чтобы она меня бросила к черту, и рад, что бросила, ибо я понимаю и кричу, что «ребенок», а не «книга», «жизнь», а не «литература»» [2, с. 63].

Такова абсолютная ценность ребенка, что даже для «литератора» Розанова ребенок, а не книга будет иметь больший онтологический вес.

Святость достигается не только невинностью и безгрешностью, но имеет даже более глубокие, бытийные основания. Святость — это свет, пронзающий темную, т.е. застывшую во зле и смерти, твердь наличного мира. Свет вечности врывается в плотный мрак смерти, поселившись в наличном мире.

Святость ребенка в том, что ему неведома смерть. Неведома ни как понятие, ни как реальность. Неведома в том смысле, что у взрослого мысль о конце вызывает жгучий ужас, панику и капитуляцию духа. У ребенка этого нет. Его душа защищена от губительного действия смертоносного яда, его сознание танатогерметично. Оно не вмещает смерть не по «недоразвитости», а по особой благодати Божией. И когда детский тезаурус сформирован достаточно полно, что отражается в полноценной картине мира, и в этом тезаурусе есть лексема «смерть», но она лишена того «плотного ужаса», непрозрачности, которая свойственна взрослому. Детская дарованная святость просвечивает смерть до уничтожения смерти, ибо в *эдемском сознании младенца* нет зла, ибо нет его и в самом Эдеме.

Глубокое желание личного бессмертия, теплящееся в душе то в виде робкой надежды, то в виде свирепого порыва, свойственно каждому. И это желание (пусть не полно, а хотя бы частично), совершенно бесспорно, находит осуществление в детях. В. В. Розанов в книге «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» определенно указывает на эту особенность людей: «Жажда бессмертия, земного бессмертия, есть самое удивительное и совершенно несомненное чувство в человеке. Не оттого ли мы так любим детей, трепещем за жизнь их более, нежели за свою, уже увядающую; и когда имеем радость дожить и до их детей — привязываемся к ним еще сильнее, чем к собственным» [5].

В своих наиболее глубоких наблюдениях и прозрениях розановское понимание детства созвучно Достоевскому. У Достоевского дети имеют иной онтологический статус, чем взрослые, они «страшно отстоят от людей, совсем будто другое существо и с другой природой». По словам старца Зосимы, который и сам (как и любой старец) являл образ детской кротости, дети «живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам». Таково понимание детства как таинства, присущее двум наиболее одухотворенным русским философам.

Для современного образования, которое лишь в последнее время обратило серьезное внимание на проблемы молодежи, на духовно-нравственное состояние молодого поколения, ужаснувшись небывалому уровню негативных социологических показателей, важно освоение всего богатства отечественной философской культуры, которая и отличается, прежде всего,

вдумчивым и внимательным отношением к внутреннему миру человека, к его нравственному самочувствию.

В заключение необходимо сказать о практических результатах изучения взглядов В. В. Розанова на природу семьи, брака, любви, детства, вообще образования и просвещения.

Прежде всего, нужно отметить, что тема детства начинает пользоваться значительным вниманием в современном научном сообществе. В качестве яркого примера можно указать на ежегодную научно-практическую конференцию «Ребенок в современном мире», которая проходит с 1993 г. в Санкт-Петербурге. Эта конференция является крупным научным мероприятием, в организации которой принимают участие представители ЮНЕСКО, Министерства образования России, Российская академия образования, Правительство и Законодательное собрание Петербурга, профессора и специалисты Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. На этот форум собираются многочисленные представители научной, педагогической, психологической и медицинской общественности, общественные и политические деятели из России, ближнего зарубежья, а также США, Японии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Польши и других стран.

На мероприятии осваивается богатое наследие русской философии, в том числе восприятие детства Достоевским, Розановым, Платоновым и другими философами и писателями. Это знак того, что современная культура постепенно уходит от жестких одномерных идеологем прошлого и стремится постичь духовную сущность детства.

Воронежский государственный университет

Варава В. В., доктор философских наук, профессор факультета философии и психологии, член Союза писателей России

В Воронежском государственном университете на факультете философии и психологии студенты отделения культурологии в течение ряда лет активно осваивают философское наследие В. В. Розанова. Пишутся курсовые работы, дипломные проекты, посвященные различным аспектам семьи и брака в свете идей мыслителя. В открытой аспирантуре по этике (2007) уже готовится к защите работа на тему «Феномен детства в отечественной этико-философской традиции», которая основывается преимущественно на философии детства Розанова.

В целом студенты проявляют неподдельный интерес к нетривиальным взглядам Розанова, к его оригинальному стилю письма и стилю мышления, к его способности глубоко проникать в душу молодого человека и там находить отклик. Студенты с удовольствием читают работы философа, обсуждают их на семинарских занятиях, принимают участие в конференциях различного уровня.

Розанов воспринимается как современный мыслитель — это самый главный вывод научно-педагогической деятельности, опытом которой хотел поделиться автор этих строк.

ЛИТЕРАТУРА

1. *В. В. Розанов. Pro et contra* / В. В. Розанов. — СПб. : РХГИ, 1995. — Кн. 2.
2. *В. В. Розанов. Листва (Из рукописного наследия)* / В. В. Розанов. — М. : Лакома — книга, 2001.
3. *Розанов В. В. Религия и культура : в 2 т.* / В. В. Розанов. — М. : Правда, 1990. — Т. 1.
4. *Розанов В. В. Сумерки просвещения* / В. В. Розанов. — М. : Педагогика, 1990.
5. *Розанов В. В. Мысли о литературе* / В. В. Розанов. — М. : Современник, 1989.

Voronezh State University

Varava V. V., D. Sc. Philosophy, Professor of the Faculty of Philosophy and Psychology, Member of the Russian Union of Writers